

Погодин А. Л. Боги и герои Эллады. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 240 с.

Книга, выдерживающая третье издание (да еще и репринт), достойна упоминания, особенно если учесть, что первое пришлось на 1904 г. А. Л. Погодин (1872-1947) был историк и филолог-славист, что не помешало ему написать очень хорошую, грамотную и уважительную книгу на предмет античной мифологии – достоинства, которыми не всегда блещут более поздние труды именитых «грековедов». Хотелось бы, конечно, избежать порочного в целом принципа «хваля одно, ругать другое», но в данном случае он, увы, оправдан. Книга Погодина – классический в самом вдохновляющем смысле слова труд (схожий по качеству исполнения – да и близкий по времени написания – с работами другого антиковеда-классика, Ф. Ф. Зелинского), при ознакомлении с которым в голову закрадывается мысль, что все по-настоящему интересные открытия и здравые обобщения были сделаны в мифологической науке довольно давно, и с тех пор она пребывает в некоторой стагнации, если не сказать хуже. Пишет Погодин легко, увлекательно, при этом он не поверхностен – его исследование открывается чрезвычайно содержательным экскурсом в подоплеку солярного мифа у многих народов, включая греков, а это огромная тема, очень часто игнорируемая или освещаемая с коробящей душу неполнотой даже в профессиональнейших, казалось бы, сочинениях. Приведу простой пример: Погодин видит истоки мифа о Кроносе, пожирающем своих детей, в древней, присущей множеству первобытных народов мифологеме о Солнце, как бы «пожирающем» звезды (которые мыслятся совместными детьми Солнца и Луны) при восходе – и это куда более продуктивная трактовка, чем лже-этимология, связывающая Кроноса (Kronos) якобы с Временем (Chronos). Лже-этимологии бывают более чем красивы – «время уничтожает все им порожденное» – и даже невероятно стары, что как бы придает им убедительности, но вся беда с ними в том, что они тупиковы и ничего не дают для понимания своего предмета. Погодин это сознает, и его книга открывается мастерской увертюрой, заранее устраняющей с пути исследователя привлекательные, но бесплодные трактовки. К сожалению, далеко не все исследования по мифологии могут этим похвалиться. Со временем попытки прикрыть отсутствие всяческого развития и продвижения в этой области привели к появлению однобоких и тенденциозных – а порой и просто абсурдных – теорий, которые придали их авторам определенную популярность и даже авторитет, по сути незаслуженный (как в случае с «феминизмом» Р. Грейвза или с отечественными «лосевцами», повторяющими, вслед Алексею Федоровичу, разнообразные глупости о культе Аполлона). Хочется верить и надеяться, что классический дух вернется и придаст мифологической науке новый импульс. Книга А. Л. Погодина могла бы очень пригодиться на этом пути, и конечно, такого рода исследования заслуживают большего признания, чем то, которым они располагают на сегодняшний день.

Быков Д. Л. Тринадцатый апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 827 с.

Дмитрий Быков в последнее время стал чрезвычайно популярен. С одной стороны, это совершенно заслуженно: человек он очевидно знающий, а главное – нескучный. То, что сегодня он – главный российский культуртрегер, мне представляется несомненным. Можно спорить о его собственном творчестве (сам он,

кстати, скромно именуется себя «литератором»), но надо отдать ему должное – сегодня он один из лучших, если вообще не лучший, отечественный исследователь и биограф, пишущий о «мастерах культуры». Это стало ясно сразу по выходе его книги о Пастернаке в серии ЖЗЛ; книгой о Маяковском он свой статус, бесспорно, подтвердил. С другой стороны, Быков не непогрешим, и есть у него слабые места – правда, у кого их нет; он, как и Толстой в его описании, запальчив, полемичен и охотно подставляется – но уж лучше, наверное, так, чем ходить в броне непрошибаемого авторитета и самодовольства, как иные «генералы» от гуманитарных штудий. Книга о Маяковском демонстрирует как сильные, так и проблематичные стороны быковского подхода к литературоведению. Он способен захватить читателя интересными, нешаблонными трактовками «культовых» произведений, которые на слуху у каждого и давно вошли в «золотой фонд» отечественной культуры. Но увлекаясь, он делается пристрастен – точнее, это в нем обостряется; уж слишком, кажется мне, Быков патриот, слишком уж он любит подчеркивать, какие мы (русские) во всем передовые, как у нас все гениально, неповторимо и без аналогов – а если и есть аналоги, то мы их все равно превосходим. Он лучше знает отечественную словесность, чем зарубежную, хотя и любит бравировать видимостью чуть ли не энциклопедической образованности в том, что относится к его предмету; да и список того, что он избегает, игнорирует и мизинтерпретирует в истории русской литературы, тоже, увы, прискорбно пространен. Быков человек со своей идеей, и это чревато бритвой Оккама, если не Прокрустовым ложем, для всего, что в эту идею плохо укладывается. В общем, ему, как и всему русскому самосознанию, не мешает стать поскромнее, умерить претензии. Причем здесь Маяковский? Да в общем, при том, что в результате, при всех достоинствах его книги, она, на мой взгляд, не очень преуспевает в том, чтобы дать по-настоящему внятный портрет своего героя. Эта книга очень быковская – она скорее о времени, о соответствующей эпохе, о России (как все эти вещи видятся автору), чем о конкретном персонаже. Заикленность автора на герметизации, изолировании (как бы возвышающем, подчеркивающим величие) русской культуры и делавших ее фигур приводит к провалам понимания. Вот вроде бы подробно и красочно изображены сложные отношения Маяковского с Есениным, а ключевую, как мне представляется, фразу Есенина, брошенную в споре Маяковскому: «Да ты не русский поэт, а американский», – Быков приводит не здесь, а в «Советской литературе», в разделе, посвященном Есенину. А между тем это важно; это сразу приходит в голову, когда читаешь урбанистические стихи Маяковского – ну действительно, больше похоже на что-то американское! И так на каждом шагу. Говорить громогласно о себе и своей гениальности, сделать это главной темой своего творчества – еще Ницше придумал, как и «сверхчеловека», с образом которого Быков носит, пытаясь передать русской/советской культуре эксклюзивные права на его осуществление: мол, если в чем и не первые, то все равно – самые предельные. Что сомнительно. Да бог с ним, с Ницше – скупой подан Северянин, который «я гений», что уже намного ближе, чем параллели с Ницше. Настаивать на оригинальности, где имеет смысл провести ассоциации, и наоборот – постоянный огрех Быкова. Но его интересно читать, с ним хочется – а главное, чувствуешь, что возможно – спорить, и он может тронуть: закрывающая книгу глава «Прощальный концерт» действительно потрясающе передает беспросветную черноту последних дней жизни Маяковского и неизбежность его самоубийства, сомневаться в котором приходит в голову лишь самым отъявленным конспирологам. О них тут тоже хорошо написано. И читать в любом случае стоит.

Мурзин Н.Н.

Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 712 с. – (Studia philosophica).

Стрежневая проблематика книги – субъект-предикатный комплекс, взятый как ядерная форма сознания в его основных аспектах: самосознание, чувственное восприятие, дискурсивное мышление. Обоснована принципиальная возможность осмысления любой субъект-предикатной конструкции в двух логиках – субстанциально-ориентированной и процессуально-ориентированной, эксплицирована процессуальная логика смысла. Показана необходимость дополнения традиционных методов анализа до логико-смысловых, позволяющих учесть вариативность логик осмысления. На материале арабского языка и арабо-мусульманской культуры продемонстрирована эффективность анализа смысловых конструкций в процессуально-ориентированной перспективе на основе соответствующей логики.